

Литература и искусство

Орган правления Союза советских писателей СССР, Комитета по делам искусств при СНК СССР и Комитета по делам кинематографии при СНК СССР.

№ 30 | 25 ИЮЛЯ | ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО | 1942 ГОД | Цена 45 коп.

ИСКУССТВО — АГИТАТОР

Когда в третьей картине пьесы «Русские люди» командир батальона Сафонов, вспоминая выступление товарища Сталина по радио, говорит, что в словах вождя он почувствовал призыв, обращенный лично к нему — Сафонову: «Стой, Сафонов, и ты высту встань. Умри, а стой. Держись, а стой. Десять раз прикинь, а стой» — в зрительном зале возникает кака-то особая напряженная тишина. Ибо в словах этих — беззаветная любовь к родине, самоотверженность, несокрушимая готовность выстоять, бороться до конца.

Пьеса Симонина говорит о лучших чувствах советских людей. Она говорит о том, чем живет советская страна, и в этом сила произведения. Пьеса призывает к мужеству, воспитывает презрение к смерти, возбуждает ярость к врагам и ненависть. Она агитирует сильно и страстно, так, как и должно агитировать искусство в дни великих боев.

Война научила наших художников творить языком гнева и ненависти. Это чувства, которыми полны 7-я симфония Шостаковича и кинофильмы о защитниках Севастополя и Ленинграда, «Наша ненависть» Шолохова и «Падение Парижа» Эрбенбурга, стихи Первомайского и Джамола, «Песня гнева» Белого и последнее, 527-е «Окно ТАСС», где под руководством Кукрыникова — вооруженное автоматом человекообразное чудовище топчет трупы растерзанных им женщин и детей — поднимает звуковые к борьбе в мести строки Симонина:

Если ты не хочешь отпасть
Немцу с черным его ружьем
Дом, где жила ты, жену и мать,
Все, что родной мой зовем,
Знай, — никто ее не спасет,
Если ты ее не спасешь,
Знай, — никто его не убьет,
Если ты его не убьешь.

Велика агитирующая сила художественного произведения. Но в искусстве нашем, наряду с пламенными созданиями творческой мысли, нередко появляются вещи, оторванные от суровой правды жизни, сглаживающие острую опасность, нависшей над нашей родиной, и потому ставящие в ступоре и душу, и сердце, которыми живут советские люди и на линии огня, и в тылу. Не проследить ли это оттого, что некоторые мастера искусства, усвоив старинный тезис о том, что у Красной Армии есть все необходимое для разгрома врага, что «...мы можем и должны бить и вырвать немецко-фашистских захватчиков до полного их истребления, до полного освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев», — забывают важнейшую сталинскую мысль о том, что победа не приходит сама, победу надо завоевать.

В организации победы агитационной силе искусства отведена существенная роль. Но, чтобы художественное создание могло выполнять свою почетную миссию, оно должно быть прежде всего до конца правдивым.

Некоторые наши писатели и драматурги не затронули себя пожеланиями таких характеров и ситуаций, где раскрывалось бы самое главное, что определяет сегодняшний мир, как мир героических чувств. Так появляются пьесы, в которых творческое изображение войны в мирную жизнь советских людей изображается как... жалость о нарушенном личном счастье. В других пьесах трагические стороны войны вопиют даются в совершенно неуместном комедийном плане (например, «Мы вернемся, Отесса» Зальцмана), в третьих — враг, черной тучей нависший над нашей отчиной, представляется едва ли не в опереточных тонах.

В повестях, рассказах, пьесах подлинная героика поменяется иногда нагромождением чисто внешних мелодраматических положений («На старой даче» Ягувера), чувствительность ставится на место чуждого («Честь» Галицкого, «Гражданка» Саложниковой и т. п.).

Односторонность в изображении богато и многогранного душевного мира современного героя сказывается не только в отдельных произведениях, но и в художественных жанрах. Песня — область, в которой советские композиторы за год войны сумели добиться известных творческих успехов. Лучшие военные песни Александра Блантера, бр. Попова, Селого, целого ряда других замечательных музыкантов постепенно приобретают все большую популярность. Особенно много сделано в жанре лирической песни. Но здесь — и слабости современного песенного творчества.

За последние три месяца Музфонд СССР выпустил около 40 песен. Среди них есть действительно удачные, такие, например, как «Материнская» и широкая «Песня юных героев» Мурадели, сосредоточенно-строгая «Партизанка в лесу» Белого, лирико-героическая «С милой сердцу Кубани» Селого. Есть еще некоторое количество походно-маршевых или шутливо-сатирических песен. Однако часть новых песен написана в манере, которую можно было бы охарактеризовать, как песни «боевого затья».

Душевный мир война великой отечественной войны не нашел себе подлинного отражения в массовой и эстрадной песне. А сказать не всю правду о современных героях — значит, хотеть или не хотеть этого художник, сказать неправду о них. Война необычайно расширила круг лири-

ческих чувств человека. Фронт жаждо тянется к лирическому искусству. Но представить нынешнего человека-героя лириком по преимуществу — значит дать искаженный его портрет.

Теперь, когда страна, весь наш народ отбывает новый яростный натиск немецко-фашистских орд, нужны хорошие боевые песни о доблести и героизме, о гневе и мщении. Без них немаловажная массовая широкая агитация средствами искусства.

Аналогичные процессы можно заметить и в творчестве художников, обратившихся к массовым жанрам. За последние месяцы выпущено крайне мало плакатов. Не может не вызвать чувства некоторой тревоги работа художников и поэтов, объединившихся вокруг «Окон ТАСС». В самом деле, из 20 «Окон», появившихся за месяц с 22 июня 1942 года, только 527-е прямо и непосредственно посвящено теме борьбы и ненависти. Среди остальных мы видим «Окно», агитирующее за берегательные кассы, «Окно», посвященное передаче опыта старых производственников молодежи — плакат, который в таком же виде свободно мог бы появиться и до войны: «Окно», связанное с уборкой урожая, выполненное в виде типичного пейзажа, в котором только дефилирующая конница напоминает, и то весьма косвенно, о военном времени; «Окно» — «По их примеру», где фигура моряка, держащего в руке гранату, бесконечно далека от образов легендарных героев Севастополя и Ленинграда. Во всех этих плакатах военная тема присутствует еще формально. Мы находим еще несколько сатирических «Окон» — обобщенные до нити «страхланские» немцы, Гоббелс и его орава в виде жалких и ничтожных полудикарков-получелов и т. д. В дни смертельной схватки с врагом, когда нужна преградная мобилизация чувств гнева и ненависти, неправильно изображать ринувшегося на нас бешеного зверя только бессильным ничтожеством.

Очень надо сказать, художники и поэты, работающие в «Окнах ТАСС», недостаточно прилагались к предостережению товарища Сталина: «...враг не разбит, а тем более не добит». Изображение немца-окудана, вооруженного современной техникой, жестоким и немалым человеком, как он представлен в «Окне» № 527 — «Убей его», исторически более правдиво, и агитационное воздействие его неизмеримо сильнее, чем многочисленных зарисовки жалких гитлеровцев. Лишь правдивая агитация мобилизует людей на борьбу со смертельной опасностью, нависнувшей на нашу страну. Она вытравляет остатки благодушия, самоуспокоенности и фаталистического ожидания неизбежной победы.

Но только в высших своих проявлениях, но и в том, что создается каждодневно, наше искусство должно быть правдивым, смелым, бесопытным. Оно должно быть могучим и светлым героическим образом советского человека, вставшего на священный бой с фашистским мракобесием. Оно должно дать чудовищный и отвратительный образ врага — захватчика, насильника и убийцы. Оно должно, подлинно его голосом говорить о героизме народа, о его страданиях, о его борьбе во имя грядущей победы.

И тогда советское искусство выполнит то свое назначение, о котором так замечательно сказал Горький: «Уманиям пролетариата требует неугасимой ненависти к власти паразитов, фашистов, палачей... ненависти во всем, что заставляет страдать, во всем, кто живет на страданиях сотен миллионов людей».

А. КЛЯЧКИН ЛЕНИНГРАДСКИЕ ВЕЧЕРА

Линия фронта совсем близко. Каждый день на улицах города рвутся снаряды вражеских дальбомбов. Валютает в воздухе камин разрушенной мостовой, летят осколки стекла, разлетается в мелкие куски разороченный карниз.

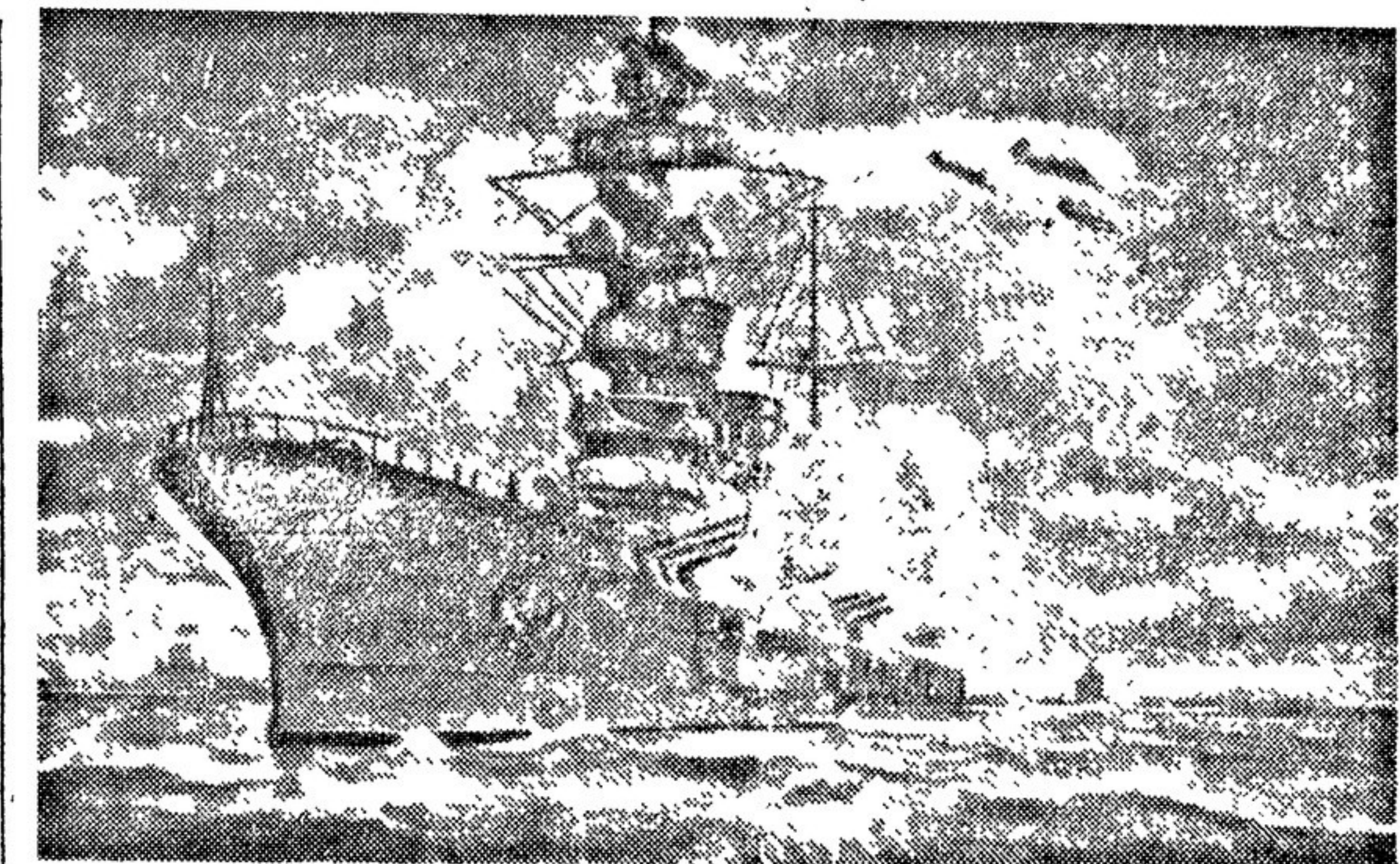
Проходит полчаса-час. Команда МПВО задвигает разрушенное, и улица снова принимает нормальный вид. Опять быстро снуют трамваи, опять размеренно продолжают свой путь пешеходы, так же резвятся на солнечных дети и, копошась в песке, строят из него танки и доты. Величавая северная Пальмира Советского Союза продолжает спокойно и гордо, уверенно и твердо жить и бороться.

Приходит вечер. Открыты двери театра, концертных зал, кино. На кассах афишаги: «Все билеты проданы». В кино театре «Новости дня» показывают антикоммунистическую хронику. В «Титане», «Молодежном» — «Машеньку». В других кино — «Всадники», «Морской ястреб» и т. д.

Копирная фабрика печатает тиражи новых фильмов для кинотеатров города, области и частей Ленинградского фронта. В киностудии «Лентехфильм» готовятся новые выпуски «Северного киножурнала».

В Доме партактива Дзержинского района состоялась встреча писателей с партийным активом. А Федеев рассказывал о деятельности писателей на фронтах отечественной войны. Николай Тихонов прочел отрывки из поэмы о 28 гвардейцах и сатирические стихи для армейской печати. Александр Прокофьев, Илья Авраменко, Александр Ретгов читали военные стихи. Виссарион Саянов прочел главу из своей новой исторической поэмы о генерале Кутузове — герое отечественной войны 1812 г.

В 7 ч. 50 м. директор Радиокомитета громко объявил через репродукторы, уста-

Г. Нисский. Липкор «Марат» на защите Ленинграда.

Алексей ЛЕБЕДЕВ

Мы прощаемся в Кроштаде,
У зыбких солен, а потом
Равняется к рейду серый катер,
Раскалывающая рябь винтом.

Вот облак косою тенью
Луну подернулася слегка,
И затерялась в отдалении
Твоя простертая рука.

Опять шуметь над морем флагу,
И снова, и суров и скуп,
Балтийский ветер шумит вылагу
Твоих похолодевших губ.

ПРОЩАНИЕ

Уходит врозь путей кривые,
Мы говорим: «прощай» стране.
В кампусы смотрят румелье,
И ты горюешь обо мне.

Но, если пенные объятья
Нас захлестнут в урочный час
И ты, в конюрге за печатью,
Получишь весточку о нас, —

Не плачь: мы жили жизнью смелой,
Умели смело умирать...
Ты на штабной бумаге белой
Об этой сможешь прочитать.

Я ДУМАЮ О ТЕБЕ...

Я думаю о тебе,
Такой далекой и близкой,
Балтийская голубень,
Возмогована сонным бризом.
К закату клонится день,
Роняя в волны прокладу,
И вот ты пришла ко мне,
И села, как прежде, рядом.

На якорь вечер стоит,
Брыз пахнет смолой и камитом,
Озвонче плечи твои
Я кутаю черным бушлатом.
Вальбеты идут к кораблю,
В черномол пламени тучи.
И я говорю: «люблю»,
И ты для меня всех лучше.

Декада советской музыки в гор. Фрунзе

Декада советской музыки республик Средней Азии, прошедшая в г. Фрунзе, привлекла в праздники искусства браво-любивых народов. В Узбекистане, Туркменистане, Киргизии, Казахстане и Таджикистане, создавая музыку, отражающую величие борьбы советского народа, его волю к победе над фашизмом. Уже появились произведения, рисующие подвиги героев отечественной войны. Опера «Вперед, вперед!» композитора Брусилковского (в концертах декады исполнялись отрывки из нее) посвящена легендарной павловской дивизии им. Панфилова. На темы отечественной войны написана духовная опера «Патриоты» Мадьярова, Власова и Фере (Киргизия). Значительный интерес представляет поэма молодого туркменского композитора Ашра Кудиева для хора, солиста и оркестра.

В концертах декады было широко представлено также симфоническое и оперное творчество. Исполняли прославленная 800-летию со дня рождения Алишера Навои вторая симфония узбекского композитора Мухель, киргизская симфония Ракова, казахская симфония Зильбера, свиты из балета «Анар» Власова и Фере (Киргизия), из оперы «Кузнец Ковал» Власова (Таджикистан), из музыки к драме «Дочь Узбекистана» молодого узбекского композитора Бурханова, отрывки из опер «Дейли и Меджуну» Гилера и Садикова, «Юсуп и Ахмед» Шехтера и Кудиева, «Великий канал» Василенко и Ашрафи, «Улубек» — Козловского, «Зохре и Тахир» Шапошниковой и «Батлы Иялты» Корчмарева.

Большой успех имели выступления в концертах декады народных певцов (Д. Джарларава (Туркменистан), Муса Байетова (Киргизия), Шариф Джурбаев (узбекский певец Таджикистана) исполнили свои новые песни «Кайрат» Гасиева (текст Рахима). Великолелено исполняют народные киргизские песни М. Умурканова, до недавнего времени колхозница, а ныне популярная народная певица.

За последнее время в советских республиках Средней Азии выросли новые кадры исполнителей — Сарра Самандарова (Узбекистан), Мария Махмутова (Киргизия), Шабал Байсекова и Муслам Абдуллин (Казахстан).

Высокой оценки заслуживают работы композиторов: Раухвертер — киргизская опера «Коккул», Мухель (симфония), Козловского (опера «Улубек»), Баласаяна (свита из оперы «Кузнец Ковал»).

Высоко одарена композиторская молодежь (Бурханов, Овезов, Хамиди, Садиков, Абдраев, Аманбаев, Шахиди, Кудиев, Вобокалов, Салиев и др.). Однако им надо еще долго и серьезно учиться. Помощь этим талантливым композиторам со стороны русских композиторов, находящихся в республиках Средней Азии (Василенко, Шехтер, Власов, Фере, Козловский и др.) должна быть систематической. Творческие успехи Мухтара Ашрафи — результат планомерной учебы. Недавно написанная им симфония и исполненный на декаде симфонический торжественный марш демонстрируют его творческий рост.

Декада продемонстрировала большие достижения музыкального творчества в Средней Азии. Б. ВЛАДИМИРСКИЙ.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

1 стр. Передовая. Искусство — агитатор. Е. Корчагина-Александровская. Сердце Сибири. А. Клячкин. Ленинградские вечера. А. Лебедев. Стихи. Информационная декада советской музыки в гор. Фрунзе. Вручение ордена М. В. Нестерову

2 стр. А. Гозенпуд. Вырождение. Б. Жгенти. Грузинская литература в отечественной войне. И. Авраменко. Возвращение с полета (стихи). С. Головановский. Боевое содружество. М. Володин. А. Галия. Все-таки не разделена. Е. Тараховская. Сын (стихи).

3 стр. О. Леонидов. «Александр Пархоменко». Л. Озеров. Военная лирика Ильи Сельвинского. И. Вайсфельд. Киновелла. И. Крути. «День живых».

4 стр. Эм. Миндлин. Новая композиция Яхонтова. М. Живов. Два спектакля. А. Февральский. «Небо Москвы». Ю. Ванас. Певец борьбы и свободы. Информационная. Седьмая симфония Д. Шостаковича в Англии и США. По Советской стране. Московская хроника.

Е. КОРЧАГИНА-АЛЕКСАНДРОВСКАЯ

СЕРДЦЕ СИБИРИ

Бережное, я бы сказала, благоговейное отношение к театру воспитал во мне покойный отец. Поэтому каждый спектакль, каким бы он ни был по счету, я переживаю, как премьеру. И поэтому же я поныне каждую новую мысль, каждую встречу с новым человеком, каждое новое переживание расцениваю прежде всего с точки зрения актрисы: «А что могло бы оно мне дать в моей театральной жизни?»

Прожитый год обогатил каждого из нас необычайным жизненным опытом. Сколько пришлось пережить, сколько обстоятельств омыслить и глубоко переосмыслить!

Что знали мы, например, о Сибирь — давнишней, дореволюционной, да и нашей, советской? Царская Сибирь по справедливости ассоциировалась в нашем представлении с каторжными казематами центральными и периферийными тюрем. Мы слышали, что в наши, советские годы Сибирь преобразилась, но знание это было какое-то умозрительное, далекое, неконкретное...

Вспоминается мне реплика старой революционерки Клары из пьесы Афиногенова, фраза из ее замечательного монолога: «А вы знаете, сколько шли (политически осмысленные) до Средне-Колымска? Всеми лет!» Какая даль раскрывалась в подтексте этой короткой фразы! Всеми лет пешего хождения! И стыдно признаться, но еще недавно подлинная Сибирь оставалась от нас в таком же отдалении.

Когда наш театр, в силу обстоятельств военного времени, очутился в самом сердце Сибири, в крупнейшем сибирском городе — Новосибирске, город предстал перед нами, как новооткрытая страна. Маленький захолустный сибирский провинциальный городишко Новоноколевск на протяжении каких-нибудь 20 лет, то-есть целиком на памяти нынешнего поколения, преобразился в европейски распланированный город с большими массовыми зданиями, с многоэтажными домами, с огромным количеством крупных промышленных предприятий, с разветвленной сетью средних и высших учебных заведений, со своими театрами, библиотеками, газетками и т. д.

— Вот это Сибирь! — спрашивали мы себя в первые дни после приезда. И сами себя, очевидно, обманывая. Но, очевидно, Новосибирск, то-есть Сибирь советская... Новый край, новую страну воспринимать по-настоящему можно через знакомство с ее людьми. Поэтому наиболее творческую радость нам давало непосредственное общение с сибиряками, с рабочими заводами, с передовыми колхозниками сибирских полей, с сибирскими бойцами и командирами, многие из которых оставили гвардейские части нашей героической Красной Армии.

Как актрисе и как депутату Верховного Совета СССР, мне часто приходится общаться с представителями самых разнообразных кругов сибирского населения. Такой это край, такой, ширококолчаный народ, народ с широкой душой и горячим сердцем! И поныне военный вопрос: что же оказало советское искусство народу о нашей Сибирь? Что значительное содлоло в нашей литературе об этом богатейшем крае? Как раскрыла советская живопись и графика мощную красоту его природы? Какие человеческие характеры выявила советские драматурги, какие образы сибиряков увековечили они в своих пьесах? Какие сибирские темы подымали мы на подмостках наших театров?

Этот вопрос — требование, с которым я мысленно обращаюсь к нашим общепризнанным мастерам слова и кисти, и в первую голову к писателям, драматургам, художникам самой Сибири. Знаю, что писатели и поэты Сибири выпустили немало книг. Я говорю не об этом. Меня волнует вопрос, почему мы до сих пор не созданы такие произведения, которые бы выдвинули какого-нибудь сибирского писателя хотя бы на то место, которое в

старой русской литературе занимали Мамин-Сибиряк и народник Наумов, писатели, сумевшие сделать сибирскую тему, сибирские сюжеты общим достоянием всей русской литературы. Диспропорция между тем, что Сибирь дает нашему отечеству в эти грозные дни освободительной борьбы против фашистского нашествия, и тем, что наше искусство дало о Сибири, мне кажется естественной и непростительной.

Надня я прочтала в «Правде», в очерке военного корреспондента М. Мерзжанова, о снайпере-сибиряке Мише Суркове. Его открытый счет на 26 июня составлял 194 убитых врагов. Это то, что газетный лист освождал в памяти в последние дни. А сколько повестей о героизме, доблести и славе сибиряков приведено в очерках, рассказах военных корреспондентов о всех фронтах отечественной войны! И не только о героизме бойцов, но и о непоколебимом мужестве их матерей. Образ советской матери, женщины, вскормившей и воспитавшей поколение этих героев, духовной мощью которого восторгается весь мир, также неотступно занимает мои мысли. Как хотелось бы найти полноценный драматический материал для воплощения на сцене образа этой русской женщины, русской матери!

Великий русский поэт Некрасов, «внимая ужасам войны», напомнил о том, что только для матери существует неутешное горе. Сейчас нас всех потрясает не только безутешность материнской скорби, но еще и мощь ее любви и ненависти — любви к родному народу и ненависти к врагу. Недавно белорусский писатель Михаил Лыньков рассказывал о советской женщине Аксинье, которую фашистские изверги заставляли присутствовать при пытках и казни ее сына партизана. С чем сравнить духовную крепость Аксиньи, глубину ее чувств, ее любовь и ее ненависть? Когда я читала рассказ Лынькова, предо мной встали образы наших былинных жен и матерей, образ библейской матери Анны, отлавившей на акалеи семь своих сыновей, но не сошедшейся перед мученической смертью, принятой ими от руки иноземного палача.

Нет еще в наших пьесах образа такой матери-героини. Как же быть нам, русским актрисам, с нашей страстной тошкой по героическому образу матери русского народа? Лично мне могут возражать: «Вы не актриса героического плана, ваше амплуа — бытовые роли». И я на это отвечаю: Разве война, героическая война моего народа против фашистских агрессоров, не стала бытовым явлением нашей жизни? Где сейчас проходит «каждодневная» грань между бытом и героикой? Я думаю, что сейчас ее и не существует.

В героическом Ленинграде среди многочисленных своих друзей я оставила молодого поэта-моряка Алексея Лебедева. Он погиб на боевом посту моряка-командира. Был он молод годами и поэтически возмужал. В маленькой книжечке о ситней обложке, которую он мне подарил незадолго до нашего отъезда из города Ленина, я часто перечитываю простые строки этого честного, мужественного юноши с красивыми глазами. Про себя его считала своим сыном. Вот что эти строки гласят:

Трудом и боем проверяет душу.
Не отступая, пролил моря и стужу.
И уцелел в горниле грозном их.
Чтобы себя и мужество решен
Проверить сталью и огнем сражений.
И в этом право на строку и стих.

Мне кажется, что только так относясь к своему приваю художника, можем мы все найти путь к решению героической темы наших дней...

Вручение ордена М. В. Нестерову

На квартире заслуженного деятеля искусств РСФСР, академика живописи М. В. Нестерова 21 июля собралось его собрание по искусству — художники Б. Иогансон, Е. Ражский, В. Журавлев, П. Корин, Рублев, белорусский скульптор А. Грубе и другие. Здесь, в торжественной обстановке, талантливому художнику, еще не оправившемуся после перенесенной болезни, вручается орден Трудовой Красной Знамени, которым его наградили правительством за выдающиеся заслуги в области искусства, в связи с 80-летием со дня его рождения.

Зачитывается Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении М. В. Ленинград, июль.

Нестерова. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР тов. А. Горкин вручает орден выдающемуся мастеру.

— От имени Михаила Ивановича Калинин, — говорит тов. А. Горкин, — поздравляю Вас о высокой награды и желаю Вам долгих лет жизни и дальнейших успехов в работе на благо нашей родины.

Михаил Васильевич Нестеров горячо благодарит в ответной речи советское правительство за высокую оценку его деятельности в области изобразительного искусства и просит передать М. И. Калинин скромный подарок от автора — экземпляр книги «Давние годы».

Грузинская литература в отечественной войне

(Письмо из Тбилиси)

На протяжении всей многовековой истории грузинской литературы главное место в ней занимала священная идея патриотизма, самоотверженной борьбы за честь и свободу родины.

В своей бессмертной поэме Руставели учил грузинский народ тому, что слава и смерть лучше позорной, рабской жизни, что, вдохновленный идеалами свободы и правды, народ разгромит мрачную крепость угнетения, какой бы неприступной она ни была.

Свободолюбием и преданностью родине насыщено творчество великих грузинских писателей эпохи национально-освободительного движения второй половины XIX века — Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Важа Пшавела.

Грузинская литература наших дней достойно продолжает традиции своих предшественников.

Еще в первые годы формирования грузинской советской литературы Галактион Табадзе от имени всех поэтов его родины заявил о кровной их связи с эпохой.

Мы же станем там, где бум,
Где гремит свободы гром,
Мы себя, поэты Грузии,
Новым вздохом отдаем.

В последующие годы, прославляя радость, солнечную жизнь нашей страны, поэты не забывали о грядущих сдвигатах в враждебном мире и выражали готовность выполнить свой священный долг перед матерью-родиной. Выступая на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов, поэт Георгий Леонидзе говорил:

Но когда ненавистны свободы
В наши вены вливается дерзость,
То с великим русским народом
Встанет каждый сознательный народ.

Танки ринутся, словно обвалы,
Бомбовозы взлетят в облака,
И клинов наших сталь боевая
Звучно врежется в сердце врага.

Когда корчужные варвары нарушили священные границы нашей родины, то вполне естественно, что основной темой грузинской поэзии стал призыв к разгрому врага:

Забудь перо, ныне все наповы,
Слова и мысли, и мотив иной,
Останется пуская один лишь гневный,
Как меч разящий, клич твой боевой.

(Ал. Абашидзе).

«За родину, за Сталина!» — этот всенародный боевой клич звучит в цикле новых стихов Георгия Леонидзе. Страстные, боевые песни пишет Алио Машавиля. Он обращается к советскому народу с такими словами:

Давите гадину. Фашизм с юрками
вырвать.

Над родиной не властвовать вампирам.
Те же мотивы характерны для поэзии Г. Табадзе, И. Абашидзе, Ш. Аппхалдзе, Г. Абашидзе, В. Горгаладзе, К. Кахачидзе, К. Бобохидзе, К. Чичинадзе, X. Вардольяна, Г. Кузишвили, С. Тавадзе и других.

В дни отечественной войны советский народ с особой любовью вспоминает о своих славных предках, отдавших жизнь за свободу и счастье родины. Этим теме посвящен новый цикл стихов С. Чиковани «Давид Гурамишвили» и поэма Г. Абашидзе «Георгий VII». Больным успехом у артистов пользуется героическая драма И. Гугуа «Царь Ираклий», показывавшая великого грузинского полководца и стратега Ираклия второго.

Борьба грузинского народа с иноземными захватчиками в конце XVIII столетия изображена в пьесе С. Шаншавиля «Герои Криваса». Беллетрист Ал. Кутатели закончил трилогию «Лицом к лицу» о борьбе грузинского народа за победу пролетарской революции. На историко-революционном материале построен также роман В. Чхейдзе «На берегу Лиахвы».

Весь коллектив советских писателей Грузии живет в эти дни напряженной творческой жизни. Ряд видных писателей работает во фронтовой печати или находится в рядах действующей армии. Специальные писательские бригады систематически выезжают в части Красной Армии и Флота, а также в военные госпитали.

Большую агитационную работу ведут писатели Грузии и среди населения городов и сел республики.

Константин Гамахурдия закончил первую книгу большой исторической трилогии о великом грузинском государственном деятеле и герое Давиде Возобновителе и выступил с рядом острых политических очерков на темы войны.

Серию фронтовых эпизодов и картин партизанской борьбы дал Александр Кутатели. О героизме советского народа и его нестемимой воле к победе написаны роман С. Тавадзе «Друзья» и повести и новеллы А. Чайшвили, А. Белнашвили, Э. Полумурдинова, И. Лисишвили, Р. Коркия, В. Чхейдзе, С. Церава и других.

В дни отечественной войны советский народ с особой любовью вспоминает о своем героическом прошлом, о своих славных предках, отдавших жизнь за свободу и счастье родины. Этим теме посвящен новый цикл стихов С. Чиковани «Давид Гурамишвили» и поэма Г. Абашидзе «Георгий VII». Больным успехом у артистов пользуется героическая драма И. Гугуа «Царь Ираклий», показывавшая великого грузинского полководца и стратега Ираклия второго.

Борьба грузинского народа с иноземными захватчиками в конце XVIII столетия изображена в пьесе С. Шаншавиля «Герои Криваса». Беллетрист Ал. Кутатели закончил трилогию «Лицом к лицу» о борьбе грузинского народа за победу пролетарской революции. На историко-революционном материале построен также роман В. Чхейдзе «На берегу Лиахвы».

Весь коллектив советских писателей Грузии живет в эти дни напряженной творческой жизни. Ряд видных писателей работает во фронтовой печати или находится в рядах действующей армии. Специальные писательские бригады систематически выезжают в части Красной Армии и Флота, а также в военные госпитали.

Большую агитационную работу ведут писатели Грузии и среди населения городов и сел республики.

Константин Гамахурдия закончил первую книгу большой исторической трилогии о великом грузинском государственном деятеле и герое Давиде Возобновителе и выступил с рядом острых политических очерков на темы войны.

Серию фронтовых эпизодов и картин партизанской борьбы дал Александр Кутатели. О героизме советского народа и его нестемимой воле к победе написаны роман С. Тавадзе «Друзья» и повести и новеллы А. Чайшвили, А. Белнашвили, Э. Полумурдинова, И. Лисишвили, Р. Коркия, В. Чхейдзе, С. Церава и других.

В дни отечественной войны советский народ с особой любовью вспоминает о своем героическом прошлом, о своих славных предках, отдавших жизнь за свободу и счастье родины. Этим теме посвящен новый цикл стихов С. Чиковани «Давид Гурамишвили» и поэма Г. Абашидзе «Георгий VII». Больным успехом у артистов пользуется героическая драма И. Гугуа «Царь Ираклий», показывавшая великого грузинского полководца и стратега Ираклия второго.

Борьба грузинского народа с иноземными захватчиками в конце XVIII столетия изображена в пьесе С. Шаншавиля «Герои Криваса». Беллетрист Ал. Кутатели закончил трилогию «Лицом к лицу» о борьбе грузинского народа за победу пролетарской революции. На историко-революционном материале построен также роман В. Чхейдзе «На берегу Лиахвы».

Весь коллектив советских писателей Грузии живет в эти дни напряженной творческой жизни. Ряд видных писателей работает во фронтовой печати или находится в рядах действующей армии. Специальные писательские бригады систематически выезжают в части Красной Армии и Флота, а также в военные госпитали.

Большую агитационную работу ведут писатели Грузии и среди населения городов и сел республики.

Константин Гамахурдия закончил первую книгу большой исторической трилогии о великом грузинском государственном деятеле и герое Давиде Возобновителе и выступил с рядом острых политических очерков на темы войны.

Серию фронтовых эпизодов и картин партизанской борьбы дал Александр Кутатели. О героизме советского народа и его нестемимой воле к победе написаны роман С. Тавадзе «Друзья» и повести и новеллы А. Чайшвили, А. Белнашвили, Э. Полумурдинова, И. Лисишвили, Р. Коркия, В. Чхейдзе, С. Церава и других.

В дни отечественной войны советский народ с особой любовью вспоминает о своем героическом прошлом, о своих славных предках, отдавших жизнь за свободу и счастье родины. Этим теме посвящен новый цикл стихов С. Чиковани «Давид Гурамишвили» и поэма Г. Абашидзе «Георгий VII». Больным успехом у артистов пользуется героическая драма И. Гугуа «Царь Ираклий», показывавшая великого грузинского полководца и стратега Ираклия второго.

Борьба грузинского народа с иноземными захватчиками в конце XVIII столетия изображена в пьесе С. Шаншавиля «Герои Криваса». Беллетрист Ал. Кутатели закончил трилогию «Лицом к лицу» о борьбе грузинского народа за победу пролетарской революции. На историко-революционном материале построен также роман В. Чхейдзе «На берегу Лиахвы».

Весь коллектив советских писателей Грузии живет в эти дни напряженной творческой жизни. Ряд видных писателей работает во фронтовой печати или находится в рядах действующей армии. Специальные писательские бригады систематически выезжают в части Красной Армии и Флота, а также в военные госпитали.

Большую агитационную работу ведут писатели Грузии и среди населения городов и сел республики.

Константин Гамахурдия закончил первую книгу большой исторической трилогии о великом грузинском государственном деятеле и герое Давиде Возобновителе и выступил с рядом острых политических очерков на темы войны.

Серию фронтовых эпизодов и картин партизанской борьбы дал Александр Кутатели. О героизме советского народа и его нестемимой воле к победе написаны роман С. Тавадзе «Друзья» и повести и новеллы А. Чайшвили, А. Белнашвили, Э. Полумурдинова, И. Лисишвили, Р. Коркия, В. Чхейдзе, С. Церава и других.

В дни отечественной войны советский народ с особой любовью вспоминает о своем героическом прошлом, о своих славных предках, отдавших жизнь за свободу и счастье родины. Этим теме посвящен новый цикл стихов С. Чиковани «Давид Гурамишвили» и поэма Г. Абашидзе «Георгий VII». Больным успехом у артистов пользуется героическая драма И. Гугуа «Царь Ираклий», показывавшая великого грузинского полководца и стратега Ираклия второго.

Борьба грузинского народа с иноземными захватчиками в конце XVIII столетия изображена в пьесе С. Шаншавиля «Герои Криваса». Беллетрист Ал. Кутатели закончил трилогию «Лицом к лицу» о борьбе грузинского народа за победу пролетарской революции. На историко-революционном материале построен также роман В. Чхейдзе «На берегу Лиахвы».

Илья Абраменко Возвращение с полета

Они входили молча в тихий дом,
К полону покинув самолеты,
Тяжелым измученные трудом,
Суровой облегченные работой.

За ними тень металась по углам...
Нес капля в своих руках вязкая,
Подшитый мехом кожаный ремень,
И грязный шлем с клочками дымящей ваты...
И в бой! И мстят, прижав к гашетке пулемета.
Действующая армия.

Савва ГОЛОВАНОВСКИЙ

Боевое содружество

Известна специфика военной газеты: красноармейская заметка, пропагандистская статья, очерк, короткое боевое стихотворение и (обязательный для всех газет) отдел вмора — это тот журналистский и творческий минимум, которым обязан обладать писатель на фронте.

Из писателей, работающих в армейской печати на нашем участке фронта, ближе всего роднились с читателем, органической дружкой вошли в газетную жизнь два молодых украинских литератора — Владимир Собоко и Григорий Плоткин. Они очень хорошо понимают друг друга и вместе способны удовлетворить самые разнообразные запросы красноармейской читательской массы. Автор нескольких обмеченных, популярных до войны книг, Владимир Собоко хорошо проявил себя в области короткого злободневного очерка и рассказа. Собирая материал, как мы его представляем, разговору: поехали в действующие части, разговоры с людьми — этого показалось недостаточно писателю. И когда потребовалось, Владимир Собоко, не задумываясь, сам сел в танк и в качестве стрелка-пулеметчика отправился в бой.

Сочетание творческой работы с личной храбростью, с умением в нужный момент стать бойцом в буквальном смысле слова, безусловно, делает писателю честь.

Григорий Плоткин также чередовал свою поэтическую и сатирическую деятельность с боевой. Полет на бомбежку и разведку вражеского объекта показали Плоткину необходимым для его творческой работы.

Как и у Собоко, у Плоткина появился ряд произведений — прямое следствие этих частых боевых вылазок.

Из вещей Плоткина фронтового периода наиболее популярны стихотворения о Куззе Истребковом, славном, вездесущем бойце. Читатели горячо полюбили лихого Кузю. И, надо сказать, что он достоин этой любви — милый и веселый, находчивый и бесстрашный. Он поехал на многих реальных красноармейцев. В этом — главная заслуга Плоткина.

Особо нужно отметить удачную попытку газеты «Защитник родины» дать читателю большое литературное произведение, живо откликающееся на фронтовые события.

Так появилась приключенческая повесть Владимира Собоко «Дружба смелых», печатавшаяся из номера в номер и настолько увлекавшая читателей, что они буквально забросали автора и редакцию письмами, вопросами и выражениями благодарности.

Редактор «Защитника родины» — батальонный комиссар Костыков, правильно поставил перед собой задачу: в своей газете должно быть место литературному материалу. Красноармейцу нужна не только информация, но только она и деловито наложенный боевой эпизод, но и художественный образ, увлекательное и веселое произведение. И Григорий Плоткин, и Владимир Собоко оказались способными создавать такие произведения в сложной боевой обстановке.

Действующая армия.

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Фашистская «Имперская музыкальная камера» объявила конкурс на написание «арийской» музыки к «Сну в летнюю ночь» Шекспира.

«ОСНОВА: О, что до музыки, у меня весьма недурное ухо; пусть сыграют мне на шипцах и костях».

(Шекспир. «Сон в летнюю ночь».)
Рис. Бор. Ефимов.

А Галлия все-таки не разделена!

В 1941 г. одно нью-йоркское издательство выпустило в свет сборник писем, — анонимных, разумеется, — тем или иным путем доставленных в США из оккупированной зоны Франции и рисующих положение там в первые месяцы после компюнской капитуляции. Редакция Интернациональной литературы проявила очень удачную инициативу, опубликовав часть этих материалов в № 1-2 русского издания за 1942 г. (раздел «Факты и документы»).

Перед нами действительно документы неаурального исторического и политического значения. Несмотря на почти дружескую давность, содержащиеся в них свидетельства показаны несколько неостереженно. Наоборот. Во многих случаях они и до сих пор дают ключ к пониманию того, что происходит во Франции сейчас, на третьем году немецко-фашистской оккупации.

Как правильно указано в предварительном письме заметке, авторы их отнюдь не являются в полном смысле слова представителями широких народных масс Франции. Это в большинстве своем люди различных деловых профессий, и многие из них, видимо, весьма небрежно и поверхностно знакомы с действительностью. Во всяком случае среди них нет никого, кто считал бы раньше своей профессией или призванием борьбу за национальное и социальное освобождение своего народа. В их суждениях преобладает деловая либо личностно-семейная точка зрения. Это как раз и придает особую, своеобразную ценность этим свидетельствам.

В сущности, в лице авторов писем мы имеем дело с представителями той многочисленной во Франции «среднего слоя», на политическую бесхарактерность, житейский опортунизм, наконец, на социальный эгоизм которого особенно рассчитывали и немецкие завоеватели и их прямая агентура внутри Франции. Письма «деловых людей» из оккупированной зоны лишены раз показывают, до какой степени несоответствие были в массе своей эти расчеты. Обмануть Францию, усыпить или, вернее, зарезать ее ложными надеждами на мирное процветание под пятой германского империализма, не удалось ни Гитлеру, ни тем же французам, которые ныне действуют по его указке. Каждая строка в письмах проникнута именем этой мысли. Никаких иллюзий, никакого самообмана! Либо Гитлер, либо Франция! Если Гитлер удержит свои позиции во Франции, нация будет вычеркнута из списка живых. «Тран» пытаясь заковать гвоздями крышку гроба и похоронить в нем целый народ, познавший свободу и стремящийся познать ее вновь, — таков один из капитальных выводов, к которым приходят авторы писем.

Констатация мрачных перспектив, ожидающие Францию, авторы писем отнюдь не намерены мириться с ними. Сейчас же следом за цитированными нами строчками идут следующие слова, которыми заканчиваются в журнале все публикации:

«Если бы в результате поворота событий немцы вынуждены были оставить французскую землю, то период нашего рабства, кровавый и мучительный период борьбы за освобождение для наших детей был бы сведен к минимуму или даже полностью ликвидирован.

Правда, если демократические страны высадят свои войска на нашей территории, то это может повлечь за собой полное разрушение всех созданных и еще оставшихся в целостности плодов человеческого труда. Если немцы будут изгнаны из Франции, то при своем отступлении она, выполняя в точности свои обязанности

Нельзя не отметить, что перевод писем сделан довольно неряшливо. Разве можно, например, говорить о толще (такие бы и в оккупированной немцами Париже), что «она неестественна, злоедающая, смертельная». Вообще этот номер обычно столь культурным журналом являлся весьма неприятными лягушками. Так, со слов одного американского журналиста, «И. Л.» сообщает читателю, что покойный Поль Вайян Кутурье «сростом был примерно в два раза выше обыкновенного французца». Нельзя ли в подобной уважения к читателю и к здравому смыслу? Ал. Абрамов, редазируя повесть Джорджа Сардеса о военном разгроме Франции, вдруг заявляет: «Еще нет таких произведений, которые бы запечатлели трагическую эпопею Франции в художественных образах. А «Падение Парижа» И. Эренбурга? Правда, третья часть этого романа увидела свет лишь недавно. Но дает ли это Ал. Абрамову право отрицать существование романа в целом?»

М. ВОЛОДИН

Е. ТАРАХОВСКАЯ

Пустые, черные глазницы,
Очеренные зубов оскаль...
Где лоб высокий? Где ресницы?
Где взгляд, которым ты ласкал?
Истлевшие куски шмели
Бойца, сожженного живьем,
Вокруг и тополя, и ели
Кричат кричащим вороньем.
Над остовом большого тела
Рука, обугляясь, уцелела:

С Ы Н

Ты подлил стиснутый кулак —
Предсмертной ненависти звяк.
Ты подлил огненную руку —
Стелется над тобою дым,
Кулак твой — клятва и поруга:
— Мы отомстим и победим!
И вот по этой мертвой хватке,
По этой долбистой повадке
Сумела плачущая мать
В останках сына опознать.

А. ГОЗЕНПУД Вырождение

(Заметки о музыке в «третьей империи»)

За девять лет господства фашизма в Германии произведены неоспоримые разрушения в области культуры и искусства, в частности в области музыки. Разгром концертных организаций и оперных театров, изгнание или заключение в тюрьмы и концентрационные лагеря выдающихся деятелей музыкальной культуры, последовательная фальсификация истории музыки, превращающая всех крупнейших немецких композиторов прошлого — от Баха до Брамса — в тулуп шовинистов и реакционеров, идеальных предшественников гитлеризма («духовных штурмовиков»), уродование классической вокальной музыки путем «подпольной» замены текстов и «приближения» их к «сповням» задачам, стоящим перед третьей империей (Гобсек), — таковы некоторые черты, характеризующие музыкальную жизнь фашистской Германии.

Гитлеровцы хвалятся «объявляют себя «покровителями музыки». Но это обычное гобсекловское вранье. В своей практической деятельности фашизм опирается на жалкое «творчество» и скудоумные «теоретические изыскания» нацистских музыкальных выкормывшей, чьи «труды» призваны «особоვნать и истолковывать» извращенную практику разгрома культуры. В соответствии с этим фашистское музыковедение должно способствовать «очищению» германской музыки от чужих и враждебных ей в расовом отношении элементов» (как определил задачи науки о музыке Петер Рааб — президент «Имперской музыкальной камеры», осуществляющий полный контроль над всей музыкальной жизнью в стране).

Так началось приспособление классической немецкой культуры к «потребностям» гитлеровского режима. Бетховен был объявлен певцом «идей фюрера», «провозвестником» Гитлера, Вагнер обратился в пророка «стотысячного государ-

завших себя с гитлеровцами. Младшебравые музыкальные штурмовики и эсэсовцы.

Представителем старшей генерации, от архаичного 82-летнего Эмилия Резничека до более «юных» Ганса Фритцнера (ему всего только 73 года) или 70-летнего Пауля Гренера, образуют неформальный Пантеон. Все эти старцы объединяет активная ненависть к демократии, эврейским национализму, иудейской и творческой реакции.

Всего более «заслуг» перед фашизмом у Фритцнера, прозванного «матра» нацистской музыки. Как-никак, в послужном списке Фритцнера значатся трагедия Феруччио Бузони, Пауля Беккера, Томаса Манна, Альфонса Берга, Франца Шреккера, Альфонса Берга... Как композитор, Фритцнер — жалкий эпитом Вагнера, старательно превращающий в убогие штампы то, что у автора «Юдская Нидельунг» было результатом творческих исканий. «Мистическая» эротика опер Фритцнера («Мистическая Генрих», «Рога из сада любви», «Палестрина» и др.) наша еще дальнейшее развитие в сочинениях, написанных после 1933 года и отягченных от ранних еще большей мертвенностью. — «Маленькая симфония», песни на тексты Эхендорфа (1939—1940 г.).

Другой столп фашистской музыки, Пауль Грениер, не отличается даже единственным достоинством Фритцнера — малой продуктивностью. Напротив, он страдает творческим недержанием. Грениер в основном занят прославлением Пруссии XVIII века (оперы «Принц Фридрих фон Гомбург», «Фридеман Бах» и др.) и «художественным» обоснованием теизма о единстве между державой Фридриха II и гитлеровской «третьей империей». Тематический материал, на который опирается Грениер в своих многочисленных симфониях, весьма доект: от дитат из Ваха и Гайдна до: «Песни Хорст Весселя». Творения Грениера отмечены печатью безнадёжного эвектизма. Впрочем, когда один из критиков омеялся непочтительно отозваться об опере Грениера «Фридеман Бах», заявил, что музыка эта подпадает своей «напряженной монотонностью», он получил возможность размышлять о «достоинствах» этой характеристики в одном из концентрационных лагерей Германии.

Единственным среди фашистских музыкантов, пользующимся европейской известностью, — Рихард Штраус, как художник, весь в прошлом. 78-летний старик, он состоит ныне на положении «свободного генерала» при фашизме, представляя страну на «международных музыкальных празднествах» или сочиняя парадную музыку. Последние плоды его мучу художности и мертвенны. Такова, в частности, написанная в 1940 году «Торжественная прелюдия». Нынешний Штраус — живой труп. Он существует только потому, что физическая смерть не пришла к нему в роковой час его духовной гибели.

Творчество фашистских композиторов среднего и младшего поколения объединено общими «стилевыми» и жанровыми признаками. По существу, в фашистской музыке представлены два направления, которые условно могут быть определены как эпигонское стилизаторство и крипичный милитаристический прологанд. В первом случае перед нами расское следование конструктивным схемам, выработанным еще в XVII и XVIII веках, и безмятежно-невежественное пренебрежение ко всему последующему развитию музыкальной культуры (если не считать, впрочем, бесчисленных заимствований у авторов XIX века, в том числе у ненавистного Фаустиуса Мендельсона).

Искусство фашизма овеяно атмосферой смерти. Это верховная тема всего нацистского музыкального искусства. В ораторных и кантатах Бруно Штормера — «От смерти к жизни», Пауля Гоффера — «Чистый день», «Песнь матери» И. Гасса прославляется «великая очистительница — смерть». В диаме, бредовом смешении древних сказаний о Вальгалле — обители героев, павших на войне, и стихов Вальдмунда фон Штрауса — фашистского «поэта» и «государственного деятеля», прославляющего «гитлеровское воиство», гимнов в честь матери, рожавшей для «фюрера» молодых солдат, и натуралистических картин боя, в которых авторы стремятся передать даже хрипы умирающих, — во всем этом отчетливо выступает извращенная сущность фашистской музыки. Наиболее ярким образом полного рода «творения» является шестизастная «Павшие на поле брани. Германская кантата» Ганса Фердинанда Шауба (1940). Ее герой — мертвец. Обращаясь к живым, автор обещает им ту же участь. Все произведение выдержано в мрачных владычественных тонах, и казенный «оптимизм», к которому автор все время апеллирует, не способен смягчить обидный безнадельный колорит.

За годы власти фашизм не выдвинул ни одной яркой, композиторской индивидуальности, ни одного крупного дарования. Число музыкальных произведений, ежегодно создаваемых в Германии, неизмеримо, но все это мертвечина. Когда несколько лет тому назад «Имперская музыкальная камера», запрещавшая и исполнению все произведения Мендельсона, объявила идиотский конкурс на «написание арийской музыки к «Сну в летнюю ночь» Шекспира», скандальные итоги конкурса наглядно продемонстрировали убожество фашистской музыки. Вряд ли фашистских композиторов, по указанию «Имперской музыкальной камеры», значится Шуман, Вагнер, Лист. Но это не Роберт, а... Георг Шуман, не Рихард, а Рудольф Вагнер, не Франц, а Генрих Лист — жалкие «человекобразные» одиознейшие великие музыканты.

Фашистские композиторы стремятся охватить все мыслимые музыкальные жанры — от песни, прославляющей «доблесть» эсэсовцев и их «подвигов», от марша до кантаты и оратории — и через них нести народу убогую и отвратительную гитлеровскую культуру. Убогая оригинальность составляет характерную особенность фашистских песен, в том числе и прелюдовой «Песни Хорст Весселя». Тупость, удручающая монотонность и живое самоубийство (эрац оптимизма) в сочетании с натурализмом, призываям охарактеризовать чистую немецкую душу (эрац чувства), — таковы «стилистические» особенности фашистской военной музыки.

Описание и лептадация господствуют в фашистской музыке. Гитлеровцы провозгласили наступление эры «возрождения немецкого искусства». На деле от добытого подлого его вырождения.

Кадр из фильма «Александр Пархоменко». Производство Киевской и Ташкентской киностудий. Сценарий М. Иванова, режиссер Л. Луков. На фото: артист А. Хвилья в роли А. Пархоменко.

О. ЛЕОНИДОВ

„Александр Пархоменко“

Среди полководцев и героев гражданской войны одно из почетнейших мест принадлежит Александру Пархоменко. Сын бедняка-крестьянина, рабочий паровозостроительного завода Гартмана, он прошел сложный путь от рядового революционер-подпольщика до начальника дивизии Красной Армии. Его первыми шагами в подпольных большевистских кружках руководил дуганский слесарь Клим Ворошилов. Вместе обучали они рабочих в Вергунском лесу стрельбе из револьвера, тактике уличной боя и формированию дружины для баррикады пятого года.

Взращенный и воспитанный партией большевиков, Александр Пархоменко драка на фронтах гражданской войны под непосредственным руководством генерал-полковника и стратега нашей эпохи — Сталина, он выполнял личные директивы Ленина.

Весной 1918 г. на молодую, неукрепленную советскую республику двинулись полчища германских интервентов.

Белое казачество, контрреволюционное офицерство всех мастей, кулацкие банды Махино и других черносотенных атаманов были союзниками интервентов в их загоне и борьбе против Советской России.

Захватив Чертовку, Миллерово, Дуганск, германские войска шли к Парицину, чтобы создать единый фронт контрреволюции от Дона до Волги и перерезать связь Москвы с Югом.

Фильм «Александр Пархоменко» начинается со сцены в штабном немецком поезде. Германский генерал и троцкистский агент Бывок разрабатывают план совместного удурения России.

Утром в штабе прекрасным дополнением к нашей территории... Мы установили здесь порядок африканского колониализма.

Ярко и убедительно показана в фильме верная ослера немецкой военщины — от этого генерала до автоматической петазащиты гусиний шаг кайзеровских солдат, которые во весь рост, с винтовками наперевес, словно на параде, шагают в «спасительную» атаку под звуки тупого гитденбургского марша.

Малочисленным, почти необученным, плохо снабженным отрядом Красной гвардии под командованием Пархоменко пришлось встретиться с мощной военной машиной.

Но велик был народный гнев, безгранична ярость против уойц, грабителей и насильников!

Ку, братцы, русские мы или не русские! — кричит рыцарь красноармеец и увлекает бойцов в контратаку.

А Пархоменко уже мчится со своей командой в обход, налетает на неприятельскую батарею и, захватив ее, поворачивает немцев в спину.

Главное предостережение интервентов и белогвардейцев — необходимость пролетарская крепость на Волге, «Красный Верден» гражданской войны (Парицину, героической обороной которого руководил товарищ Сталин. Сила в боях проявлялся от Дуганска Клим Ворошилов, сила шел Пархоменко, сила стигались все революционные силы юга России. Здесь, в этой стране, здесь формируются отряды, поляки и дивизии Красной Армии, отсюда направляет Сталин удар за ударом по голому казачеству, клин за клином бивает в рауцие на соединение войска белых армий.

На экране Сталин (арт. С. Гольдштаб) разъясняет Пархоменку (арт. А. Хвилья) расположение сил на фронте. Не скрывает он от командиров и от бойцов, не скрывает от народа, что Парицину может оказаться отрезанным от центральной России.

Трудное, сложное, серьезное положение, но ни на минуту не теряет Иосиф Виссарионович веру в победу.

Образ Сталина с большим мастерством воплощен в фильме артистом С. Гольдштабом. Ему удалось передать не только внешнее сходство, но и характерные сталинские интонации, его умение мгновенно схватывать и оценивать обстановку, с предельной четкостью и простотой формулировать принятые решения.

Сталин возложил на Пархоменко ответственнейшее поручение — пробраться в Москву и передать лично Ленину настоятельную просьбу фронта об оружии, о боеприпасах. Пархоменко с честью выполнил это задание и доставил партизанскому фронту все необходимое.

Гражданская война кончалась победой трудового народа. Но еще долго полыхала пламя на родной земле. Еще замаячила свои гнусные козьи бандит Махино и в борьбе с ним сложил свою голову Пархоменко.

3 января 1921 г. он попал в окружение. Бандиты уже торжествовали победу, но Пархоменко дорого отдал свою жизнь, и многие из нападавших врагов пали в этот день от меткой пули героя.

Александра Пархоменко играет украинский артист А. Хвилья.

Мы видим Пархоменко — А. Хвилья и бойком и командиром, и стратегом, и даже дипломатом, ведущим, чтобы выиграть время, переговоры с парламентариями от генерала Деникина. Он бесстрашен в бою, смел в решениях, личным примером вдохновляет и заражает бойцов, увлекает их за собой на самые рискованные боевые операции и выводит из них победителем. С необычайным хладнокровием расстреливает он авантюристов, захвативших бронепоезд, хотя их много, а он один и связан по рукам и ногам. Но лояльным и уверенным ему удается добиться освобождения, перерезать всю эту вздутовавшуюся банду и привести бронепоезд на Парицинский фронт. Опи на один идет Пархоменко на махиновского атамана Маркелю, разит его бьющей без промаха пу-

И. КРУТИ

«День живых»

Ал. Бруштейн написал пьесу о современном Чехословакии. Это вместе с тем пьеса о всех странах, свободные народы которых ведут патристическую борьбу с гитлеровцами. «День живых» — произведение, во многом близкое жанру условной, символической драмы. В пьесе — чуть ли не подлинный факт суровой действительности, а наряду с ним то и дело возникает сказочное и почти фантастическое.

Первый акт происходит в 1938 г. в момент захвата фашистами Чехословакии Второй и третий акты — в 1941 г. в удушенной и умученной Чехии, превращенной в германский «протекторат». Сюжет пьесы прост. Радиодиктор Кампарек уверен, что правительство его страны даст Гитлеру достойный ответ, что «эта война состоится» и что «это будет счастливая война». Старый Кампарек торопится в радиостудию, чтобы никому не уступит честь передать в эфир столь желанный народу гордый и независимый ответ правительства. Но диктору вручают сообщение о капитуляции. Старое сердце не в силах «прожарить беду» родной стране — Кампарек теряет сознание.

Прошло три года. Кампарек, как и раньше, работает в радиостудии, но теперь под охраной штурмовиков он вынужден ежедневно читать фальшивые реплики германской пропаганды. Он уже знает о героическом отпоре, который дает Красная Армия фашистскому нашествию. Он уже слышал о том, что еще не дошло до сдуха народа, — о совете СССР, США и Великобритании. Он уже уверен в том, а чем должен получить уверенность его народ: фашизм погибнет и недалек час освобождения Чехословакии. Это добрые вести, они зовут к действию. Кампарек знает и то, что «добрые вести, которые имеют таить про себя, — ох, как эта они овиновая радость!» А что надо делать — этого он еще не знает.

Только встреча с легендарным Партижанкой, который был и пастухом, и козегаром, и наборщиком, и учителем, любящим день, «который еще не пришел», выводит Кампарека из состояния подлвдности. Партижанка вдохновляет Кампа-

река на героический поступок. Во время очередной радиопередачи диктор, несмотря на то, что он окружен фашистскими охранниками, вместо гоббелсовской фальшивки посылает в эфир свои добрые вести. Выстрел штурмовика обрывает речь старика. Он умирает.

Но ненависть Кампарека к порабощенным и мечту о свободе родины свято хранит его внучка — Либуня. И она поверла в правду Партижанку. И она будет жить, как Партижанка. Она станет другим помощником Партижанки — Тонды. А когда Тонда уйдет в Россию, она будет ждать его.

Кроме Кампарека, Либуня, Партижанки и Тонды, в пьесе действуют профессор истории Водичка и диктор Ружена, прованская Тростиничка, хозяйка пивного погребка, кладбишеская сторожиха, железнодорожный машинист — герой Кривая, обзора польшейский Карличек. Следуют, однако, сказать, что не драма Кампарека и не судьба Либуня определяют идейный замысел пьесы.

Кампареку и маленькой Либуне, конечно, не надо поднимать на свои плечи тяжесть народной борьбы. Историк Водичка, чудаки и скептики, даже когда он становится активным участником освободительного движения, не играет в нем ведущей роли. Партижанка — любимая героиня старой легенды — не является тем образом, в котором сконцентрированы все черты народа-борца, хотя автор и утверждает, что «Партижанка — это честь народа и душа его». Но все персонажи пьесы принадлежат к демократическим слоям населения. Все они кровно заинтересованы в судьбах родины. Автор, таким образом, сделал попытку создать пьесу, все частности которой связаны бы в единый романтический образ живого и борющегося с угнетателями народа. Этот образ и есть главный герой пьесы.

При первом же чтении бросается в глаза необычность основного места действия пьесы. Это — кладбише. Здесь начинаются живые пьесы и отсюда возникает главнейшая в ней события. Над этим кладбишем витает великие тени Яна Гуса и Яна Джижки. Его населяют метастаи и ученые (Кампарек, Водичка). Ово кра-

нит под своими камнями героические прошлые страны (Портижанка). Оно питает духовную жизнь молодого поколения (Либуня, Тростиничка, Тонда). Здесь, наконец, занимается зря «День живых». Священные камни Европы, о которых Достоевский писал, как о парсте мертвых теней, таит под собой большую, напряженную, горячую жизнь.

Водичка рассказывает: «Народ говорит, что Партижанка не умер, что в трудный час Партижанка еще явится — молодой, веселый, кудрявый... Он придет помочь своей родине». И действительно, тут же, «под печальным, торжественным и строгим звоном колоколов» появляется живая Партижанка.

И сам Водичка проявляется не совсем обычным путем. Репарка гласит: «Холмик, о котором говорят, шевелится. Он встает во весь рост, и ты во все не холмик, а очень старый старичок в старомодном сортуке и с толстым зонтиком в руке». Это и есть тот самый историк, которого мы вскоре увидим сочиняющим антифашистские прокламации.

В склепе под землей работает типография антифашистов. Здесь Партижанка и машинист Кривая окончательно договариваются об организации антигитлеровского акта. Здесь расцветает любовь Партижанки и Тростинички. Здесь Водичка, кладбишеская сторожиха и полицейский Карличек показывают себя честными патриотами.

Камни Европы, ее холмы, ее недра, ее котлы и степны скрывают напряженную жизнь, готовую вот-вот вырваться наружу и сорвать ярмо раба. Так, возникающая в пьесе образ романтичен и вполне современен. Это «кладбише» — не мрачное, пугающее видение, а поэтическое место важных событий, не парсто мертвых, а овеянный поэзией куоск плодородной земли, рождающей жизнь. Поэтому и назвала пьеса «День живых». Поэтому так поэтичны центральные ее образы.

Кампарек — не только артист по профессии. Артистично само его мироощущение. Он любит петь и детей. Он «блудит все, что хочет». Это ему удается Ян Гус. Это он слышит, что говорит Ян Джижка. Это он обладает колосом, от которого у людей огонь в сердце, его искусство рождено мыслью о народе, отрадаем за народ.

Водичка — совсем не «король одуряющих», как его называют в пьесе. Еще до

Л. ОЗЕРОВ

ВОЕННАЯ ЛИРИКА ИЛЬИ СЕЛЬВИНСКОГО

Подлинный поэт в каждом новом стихотворении как бы рождается заново. И все же по новым стихам его мы сразу узнаем знакомого нам автора. Стихотворец (а это, как известно, не то же самое, что поэт), который имел счастье найти однажды свою тему, свои интонации, раз и навсегда утверждается в них. Боясь потерять себя, он пишет многочисленные дубликаты. Количественно это новые стихи, фактически же это бег на месте. У стихотворца — манера, у поэта — мироощущение, стиль.

Илья Сельвинский — один из крупнейших русских поэтов, автор многих книг стихов, поэм, романов в стихах, эпопей и трагедий. В дни войны Илья Сельвинский нашел в себе силу и мужество начать свою работу как бы заново. Будущие исследователи творчества Сельвинского, безусловно, докажут, что в глубокой простоте последних стихов поэт был подготовлен всей своей предыдущей работой. Нас же, только что прочитавших эти горячие и страстные поэмы Сельвинского, беспрерывно любившего родину, к России, и столь же глубоко ненавидевшего врагов, то молодое кипение сил в поэте, которое Сельвинский удачно назвал «строй жизни». Стихи эти еще не собраны в отдельную книгу. Они публиковались во фронтовой печати, а затем в газете «Красная звезда», журнале «Октябрь». Такие вещи, как «Россия», «Я это видел сам», «Баллада о Ленине», «Севастополь — Балаклава», открывают для нас нового Сельвинского.

Поэт, выросший в Крыму, оказался там в трудные дни крымской эпопеи 1941 — 1942 года. Он был очевидцем, свидетелем, участником великих событий. «Я это видел сам» — назвал он одно из своих стихотворений. И Сельвинский добился того, чтобы его поэтическое слово стало абсолютно правдивым, прямым, убедительным. Это подлинный рассказ очевидца о виденных им фашистских зверствах:

Можно не слушать народных сказаний,
Не верить газетным столбам.
Но я это видел! Своими глазами!
Понимаете? Видел! Сам!

Скрытое от внешнего взгляда мастерство этого стихотворения заключено в том, что, почти не прибегая к посредству метафор и иносказаний, поэт передает «голый смысл» виденного, говорит обо всех фашистских злодеяниях горячо, с непосредственностью и документальностью очевидца. Он видит ров, наполненный трупами мирных жителей:

Бабка. У этой монаше отребье.
В легкой оброте застыл сруток.
Но правое око — глубоко в небо
Между разрывками туч.
А ворло таким насыщено жарком,
Такое в нем кокоучит слова,
Что тронь — равняется с хрипением
жарким

Отреченье от божества.

Неподалеку от этой старухи лежит труп женщины, которая недавно до смерти погнала теплым кашею шев сына, лежащего рядом.

О, материнская дряньная сила!
Иди на расстрел! Под пулю иди!
За час! За полчаса до могилы
Мать от простуды спалапа дитя.

На протяжении всего стихотворения поэт рассказывает о том, что видит, дышащее его становится с каждой строкой все более прерывистым и, наконец, прорывается, как громкий призыв к ненависти и мести:

Ров... Поемой ли скажешь о нем?
7000 трупов... Евреи... Славяне...
Да! Об этом нельзя словами:
Огнем! Только огнем!

Стихи эти предельно лиричны. Они даже биографичны в том смысле, что каждая строка пережита поэтом, выстрадана. Большой поэтический талант Илья Сельвинского всегда подлинно ощущался в его стихах. Но в предание роды очень уж не подходил этот значный и глубокий голос к стихам об одиночестве и отчужденности. Между поэтическим характером и темой было явное несоответствие. Кааалось: этим бы рукам, да настоящую работу. И такую работу находил поэт: «Улыляевщина», главы из «Челюскинца»

ны, «Тихоокеанские стихи», «Рыцарь Иоанн». Сегодня в военной лирике, под влиянием трудных жизненных испытаний, поэт, что называется, работает на полную мощность.

Сегодня лирика — это проверка того, глубоко ли поэт вообрал в себя все то, что мы называем родиной, или для него это всего лишь географический термин. Другая поэма в трудный час. Сегодня лирика показывает, как глубоко веришь ты в победу России, как помогаешь ты доживать эту победу. Она все покажет, не сомневайся, потому что нельзя имитировать поэтическую страсть.

Преизвращенный ямы. Илья Сельвинский ныне обратился к ним. Пусть не радуются любители хрестоматийной классичности, — эти ямы могли появиться только после Блока, Хлебникова, Вагрицкого, Пастернака и прежних стихов самого Сельвинского. Однако, лишь в последних своих стихах оступился Сельвинский в одическую архаику (стихотворение «Орлам Крыма»), но зато как свежо зазвучал ямб в прекрасном стихотворении «Россия», которое переключается с монологом «Светает на Руси» на трагедию Сельвинского «Рыцарь Иоанн».

Хочет, обезумев, конь,
Футасы хлынуть косяе...
И снова по улке в ослеп
Вплываем мы с тобой, Россия.
Опять судьба не боа в бой
Дымок заплывает, как тайна.
Но в час большого испытания
Мне крикнуть хочется: «Я твой!»

Люблю, Россия, птиц твоих —
Грачей, разумных, как крестьяне;
Под небом сокола отчаяне;
В размахе крыльев боевых;
И писк луны среди живья
В очарованьи лунной ночи,
И на небероятной ноте
Самоубийство соловья.

Нет ничего батального, специфически военного в этих стихах, но война, бои, грозными испытаниями вест от них. Война послужила не только поводом к написанию, она насытила эти стихи. Парос этих стихов — подлинный, убедительный и не нуждается в таком обилии восклицательных знаков, на которые так цепер поэт.

«Баллада о Ленине», как и надлежит быть балладе, — сюжетна.

В окершке на море,
Там, где вокал,
Бронзой на мараморе
Ленин стоял.

Баллада эта, которая во второй своей части могла бы быть более лаконичной, перекликается в какой-то мере со стихотворением С. Шипачева «Ленин». В стихотворении Шипачева немцы так же низвергают с пьедестала статую Ленина. На утро «неармиой оидой поднятй из праха», памятник двоя стоял в саду. Партижанки шли на врага, и вел их Ленин. Низвергнутая статуя восстанавливается на том же месте. У Сельвинского полноту, которого немцы вели на казнь, вскопши на пьедестал, и вытнувши по-ленински руку, пронаес свои последние призывы к мести.

Так над селением
Вамыла рука
Ставшего Лениным
Политрука.

У Сельвинского в образе, доведенном до обобщающего символа, показано бессмертье ленинского дела, ленинизма, воплотившегося в миллионы сердец, голов, рук.

В лирике публицистичность может быть извлечена от риторики при одном условии, если поэт говорит языком сердца. Если каждую строку он выстрадал. Мы верим поэту, когда создад замечательный образ России, он воскалает:

Какие ж трусом и враги
О нашей гибели судачат?
Убить Россию — это значит
Отнять надежду у земли! —
Снайперски четкие строки!

И. ВАЙСФЕЛЬД

КИНОНЕВЕЛЛА

Нет споря, что новелла — один из труднейших жанров литературы. Но когда за разговорами о специфических трудностях соедания новеллы открывается творческая изобретательность и беспомощность. Так, по крайней мере, произошло в кинематографии на первом этапе работы над короткометражными лентами для боевых киноборников.

Нельзя сказать, что наш зритель остался равнодушным к киноборникам. Заменился и полюбился селдовой обрнок о Шейке, ленинградская картина о Васе Теркине, московская — об Антоне Рыбине, новелла Леонида Леонва «Шир в Жирмуке» в постановке Вс. Пудовкина и др. Но большинство киноновелл из боевых сборников неудачны. Они не выросли в прямую, открытую публицистику — быстро сделанный, повремено выпущенный короткая, броская плакат на самую важную тему дня; они не приобрели образной глубины, многозначности, краткости, действительности настоящей новеллы. Возникла аморфная, безжаровая, внешнеописательная форма, нечто среднее между очерком и беллетристическим повествованием.

Не обязательно, чтобы короткий рассказ обладал парадоксальностью Амброза Бирса или Генри: даже американская кинематография с ее классической сюжетностью шла скорее от мелодраматического рассказа Брэт Гарта (картины с участием Мэри Пинкфорд) и романтической новеллы Д. Лондона, нежели от О. Генри. Но есть ведь и другой тип новеллы, о котором не следует забывать, — есть «Осада мельницы» Золя, «Маль Фифи» Мопассана, рассказы Мериме и собственно русская традиция в военной новеллистике. Почему кинематографическая новелла не может использовать именно этот литературный прием?

Дело, однако, не в выработке универсальной рецептуры, а в том, чтобы о войне, о жизни и смерти, о борьбе и победе, о нашем бессмертном народе кинематографически говорил со зрительном языком художников — участников борьбы, а не языком торпильных и суетных регистраторов событий. Только тогда будет найдена качественная новая киноновеллистическая форма, как уже найдены в наш дни в публицистике памфлет-фельетон Эренбурга или короткий газетный очерк-рассказ («Таня» Лидова, например); как в Крымскую войну возникли «Севастопольские рассказы»; как 1812 год породил великолепную форму партизанского залеска. Это памятники времени, и это оружие в борьбе — произведения искусства, которые приносят читателю горячее ощущение жизни, обогащают духовный мир, закаляют волю.

Как раз этого качества недостает многим новеллам боевых киноборников.

В киноборниках выработался трафарет, который механика которого заключается приблизительно в следующем: поверхностно-описательные, безусловно недоконкретные («и в то же время несекретные») батальные куски перемежаются с народными покуновенными сентиментальными сценами, в которых герой непременно обрекается на выжужженное бедствие и молчание, — то погружается в бессознательное состояние, то оказывается опаратыным в залертой комнате от преследователей, то полурезертым в укрытии, то связанным и т. п. «Драматургия» же заключается в том, что к финалу персонаж тем или иным способом благополучно выводится из неприятного состояния.

В сценарии Н. Шипачевского «Именем родины» (режиссер Ю. Тарич) тяжело раненный в голову командир Коломийцев лежит без сознания. Врач безуспешно пытается привести его в чувство; но никак, даже сильно действующие средства не помогают. Больной в бреду. Тогда Завьялов нежданно предлагает принять Коломийцева в партию.

Во время речи Завьялова Коломийцев открыл глаза, «взглянул на ми по команде «смирно» и затих, слушая громкие, торжественные слова... Врач напряженно смотрит...» Наилучше разяснить, что эта «мотивировка» — пример спекулятивного отношения к таким фактам нашей действительности, которые затрагивают самые священные чувства советского человека — его верность, преданность партии большевиков. Реальное, жизненное событие — прием в партию война, бояца, огромное решающее влияние этого события на всю жизнь человека, на его

«Нужно сдаться, — в отчаянии говорит Моллер, — я не хочу поддаться. Вам-то все равно как... Вы начальство... А меня они могут не тронуть... Я что? Я простой солдат и ничего не знаю, и кроме того, я астронд и моя мать в Чехии... Я, в сущности, славянин... Я так и скажу им — я славянин».

— Молчать, трус! — сквозь зубы говорит Гольке.

Выстрел. Моллер повернул автомат и бессмысленно выпускает очередь в другую сторону.

Гольке и Моллер. Некоторое время оба лежат, вслушиваясь. Вдруг Моллер выпаливает:

— К чорту! — и, вскочив, кричит: — Эй!

Гольке стреляет ему в спину. Моллер валится, падая прямо на капитана.

Убиа Моллера, Гольке жмет, возвращаясь, маскируется перед лицом своего невидимого победителя.

«Гольке о поднятыми руками: — Не стреляйте... Я славянин... Моя мать в Чехии... Я только что убил своего офицера... Я сдаться... Спокойный белый лес.

Гольке швыряет в сторону автомат, автомат падает в снег.

— Выходите! — кричит Гольке, — я безоружен! Я убил офицера... Спокойный белый лес.

Лев Толстой писал о русских солдатах: «То, что они делают, делают они так просто, так малозаботливо и уселено, что вы убеждены, они могут сделать это сто раз больше. Они все могут сделать» («Севастопольские рассказы»).

Показать эту особенность, эту необычайную, теперь уже неизмеримо выросшую силу человека нашей страны, создать образ советского воина — задача, которую наша искусство стремится решить в дни великой отечественной войны. И в этих позициях мы кричим киноборникам и ждем новых киноновелл, которые стояли бы на высоком политическом и художественном уровне и во всяком случае не уступали бы по своим качествам лучшим фильмам довоенного производства.

Из фронтовых зарисовок художника А. ВАЙСФЕЛЬДА.

ДВА СПЕКТАКЛЯ

Ташкент сильно изменился за год войны. Он стал неузнаваем, этот утопающий в зелени город с прямыми улицами-аллеями, с уютными коворылыми арками, с темным, бездонно-лазурным днем и густосиним, звездным ночью. Здесь задули новые фабрики и заводы. Город стал кузницей боевых резервов нашей героической Красной Армии, люди принесли сюда новые темпы жизни, труда, творчества.

Московскому театру Революции выпала ответственная задача показать артильно измененному с войной Ташкенту свое искусство. Только на днях показав он премьеру пьесы А. Гладкова «Давным давно», идущей здесь под названием «Питомцы славы».

Постановщик спектакля С. Майоров и М. Бабанова стремилась прояснить спектакль веселым юмором и увлекательной романтикой. Может быть, режиссура больше, чем следует, акцентировала комедийные моменты пьесы, превращая порой героическую комедию в водевил. Но театру все же удалось создать подлинно патристический спектакль.

Успех спектаклю принесла игра актеров, в первую очередь — М. Бабановой, исполняющей роль Шуры Азаровой. С подлинным артистическим темпераментом передала Бабанова юношеский азарт, душевную искренность, чарующую скромность этой девушки-бойца.

Очень интересный образ Кутузова создает О. Абдулов. Именно таким представляется нам старый фельдмаршал — крепким стариком, чуть-чуть сутуловатым под тяжестью прожитых лет, с живыми глазами, с доброй улыбкой на лице, которое становится строгим и грозным, когда надо решать вопросы войны или осудить того, кто действиями своими мешает борьбе за независимость русского народа.

Роль Ржевского, созданный образ увлекательного молодого гусара, порывистого и безудержного, гордо оприметливого, но всегда решительного и отважного. Хорошо сыграли роли генерала Балашова А. Халова, Давыдова-Васильева — А. Благовирова, графа Нуркина — Г. Кирьянов.

Театр Красной Армии Среднеазиатского военного округа показал пьесу К. Симонова «Русские люди». Режиссер Н. Эки и весь коллектив театра осуществили постановку в рекордно быстрые сроки — в двадцать дней.

Спектакль о патристиче и героизме русских людей, об их ненависти к врагу, стойкости в борьбе и готовности пожертвовать всем для победы волнует и вдохновляет зрителя. Наибольшая актерская удача в спектакле — образ капитана Сафонова, созданный Н. Кузнецовым. Актер сумел передать внутреннюю обязательность этого русского человека, привлекающего своей прямоотой и мужеством, сочетающимися с душевной мягкостью, нежной юношеской влюбленностью. Жизненно правдоподобно сыграл А. Балаев роль воефелдшера Глобы и А. Фомина — роль нахлебца Васина. Молодая актриса В. Бахчисарайцева с большой искренностью воплотила один из наиболее ярких в пьесе образов — шопера-разведчика Вали Аюноенко.

Некоторые роли хорошо намечены, но нуждаются в дополнительной разработке. Это в первую очередь относится к ролям матери Сафонова (артистка Л. Баршова) и жены Хартгонова (артистка Е. Лихович).

Спорны в спектакле некоторые дополнения и изменения в тексте пьесы. Совершенно неоправданным кажется нам введение в пьесу нового персонажа — украинской девушки Марини, но существование, ничем не помогающей более глубоко раскрыть идеи пьесы.

М. ЖИВОВ

Ташкент.

Бюст Д. Д. Шостаковича. Скульптор И. Слоним.

Седьмая симфония Д. Шостаковича в Англии и США

Музыкальная общественность Англии и США заинтересовалась седьмой симфонией Д. Шостаковича еще в то время, когда композитор работал над партитурой. Интерес к симфонии возрос после ее исполнения в Куйбышеве в Москве, после того, как радиослушатели во всем мире услышали новое произведение композитора, уже завоевавшего себе широкое признание за рубежом.

Крупнейшие дирижеры мира обратились к композитору с просьбой выслать партитуру седьмой симфонии для исполнения ее в Англии и Америке. В середине июня партитура симфонии была доставлена на самолете в Лондон. Оркестр Лондонской филармонии немедленно приступил к репетициям под руководством знаменитого дирижера Генри Вудса. 22 июня 1942 года в Лондоне состоялось первое исполнение «Ленинградской симфонии» (под этим названием седьмая симфония Шостаковича известна в Англии и США). На концерте, собранным, по выражению английской прессы, рекордную аудиторию и транслировавшимся по радио, присутствовал советский посол Майский, и овации после исполнения симфонии превратились в овации в честь советского народа, вступившего в этот день во второй год войны с гитлеровской Германией.

На следующий день в английской прессе появились рецензии, давшие высокую оценку новому произведению Шостаковича, а 24 июня Британская радиостанция компания организовала передачу отрывков из всех четырех частей симфонии с пояснениями известного дирижера и композитора Алана Буша.

В начале июля, после прибытия экземплярной партитуры симфонии в США, Шостакович получил телеграмму от Тосканини. Он сообщил, что с радостью готовит 19 июля исполнить симфонию, которая произведет на него глубокое впечатление еще во время просмотра партитуры. В назначенный день оркестр Национальной радиостанции компании США (NBC) в Нью-Йорке, в составе 150 человек, впервые в Америке исполнил седьмую симфонию Шостаковича. Концерт транслировался многими американскими радиостанциями.

Американская пресса также дала блестящую оценку симфонии. На имя композитора продолжают поступать из-за границы многочисленные поздравления от виднейших музыкальных деятелей.

В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ

„СТАЛИНСКОЕ ПЛЕМЯ“

Много новых изданий — книг, брошюр, сборников — готовится издательскими 25-летием Великой Октябрьской социалистической революции. Среди этих изданий значительное место должно занять сборник под условным названием «Сталинское племя».

На очередном заседании Президиума Союза советских писателей представителем ЦК ВЛКСМ т. Осипов рассказал о намеченном плане этого сборника. В сборнике «Сталинское племя» надо в художественных очерках показать молодых людей нашего времени, воспитанных партией Ленина — Сталина и комсомолом, — Героев Советского Союза и

Героев Социалистического Труда, лучших представителей молодежи в науке, искусстве, литературе.

Принявшие участие в обсуждении плана С. Маршак, Л. Сейфуллина, П. Скворцов, В. Шшпиков, О. Резник, А. Гурвич и др., подчеркивая значение этого юбилейного издания, говорили о том, что авторский коллектив должен со всей любовью взяться за создание книги. Книга будет писаться на фронте, в Москве, в Ленинграде, в Свердловске, Алма-Ата для того, чтобы показать лучших представителей советской молодежи, сражающихся и на фронте великой отечественной войны и на трудовом фронте.

ВЫСТАВКА ЖИВОПИСИ ЗАКАВКАЗЬЯ

В помещении Грузинской картинной галереи в Тбилиси открылась выставка новых полотен, посвященных отечественной войне. На выставке представлены работы художников трех братских республик Закавказья — Грузии, Армении и Азербайджана.

На выставку прислали свои картины и художники Краснодарского и Орджоникидзевского краев. Свои новые работы выставили здесь также русские мастера живописи, проживающие сейчас в Тбилиси: И. Грабарь, Чернышков, Саврог, Радаков, Файнберг и другие.

По Советской стране

ЕРЕВАН. Армянский государственный театр оперы и балета им. Овсепяна подготовил первую постановку на армянском слезе известной героической оперы азербайджанского композитора За. Гаджибекова «Кер-оглы». Опера идет в постановке В. Алавердиана и оформлении худ. Арутюняна. Дирижер — Будягин. Заглавную роль исполняет нар. артист республики Шара Тельян.

ТБИЛИСИ. Грузинский драматический театр Грибоедова закончил работу над новой постановкой «Варяры М. Горького» преданной для показа в будущем сезоне. Оператив поставлен режиссером А. Ридаль, оформлением худ. В. Ивановой.

БАКУ. Коллектив Алятинского краевого концертно-эстрадного бюро откопал от запланированной до конца 1942 г. государственной дотации в сумме 25,000 рублей и передал ее в фонд обороны страны.

ФРУНЗЕ. 21 июля при переполненном зале Государственным симфоническим оркестром Союза ССР впервые в Киргизии была исполнена седьмая симфония Д. Шостаковича. Дирижировал Натан Рахлин. Концерт прошел с огромным успехом.

Киргизский государственный театр показал пьесу Хаквертова и Рауфовского «Полководец Суворов» (перевод К. Зинимбетова). Режиссером пьесы В. Александров, постановщик И. Штоффер. Роль Суворова исполнил нар. артист республики К. Ешимбеков.

ТАШКЕНТ. В Союзе писателей состоялся творческий вечер поэта Мих. Толстого. Поэт прочел стихи из своей новой книги «Дорога в Запорожье», выпущенной в Ташкенте издательством «Советский писатель». В Госиздате Узбекистана вышла книга стихов М. Толстого «Песни и баллады отечественной войны».

АШКАБАД. В Ашхабадской студии начались приготовления к съемкам художественного фильма «Дарьязыны в степях Украины» по мотивам одноименной пьесы А. Корнейчука. Главные роли в фильме поручены режиссеру И. Савченко.

СТАЛИНАБАД. Режиссер В. Юренев снимает в Сталинабадской киностудии фильм «Железный ангел» по сценарию Н. Богданова и Жиганова. Фильм посвящен боевой жизни и жизни летчиков в дни великой отечественной войны.

ЛЕНИНГРАД. В Ленинградском радиокомитете состоялось совещание писателей, совхозных работников и пропаганды Горького БК(Ф) и редакция литературно-драматического вестника Участники совещания обсудили тематический план оказания писателям произведений, специально предназначенных для радио. Особое внимание потребовалось в создании произведений на ленинградские темы, о моральном облике советского человека, о наших военных комсерах и командирах.

ФРУНЗИ. В Чечено-Ингушском драматическом театре начались репетиции комедии Гольдмана «Слуга двух господ». Постановка — засл. артиста республики Ободина. Труппа исполняет засл. артисты республики Бадиев и Зубайров. Оформление постановки Бернгардт.

КИРГИЗСКИЙ. В Киргизском театре оперы и балета возобновил в Уфе постановку классической украинской оперы «Наталья-Потанина». Постановщик — народный артист УССР Иорини, дирижер заслуженный артист УССР Иорини, главные роли — народные артисты УССР Патарижанский и Зоя Гайдай, заслуженные артисты УССР Рахманов и Минаев, солисты Ивашкин и Колодуш. Зрители тепло принимают спектакль.

„Небо Москвы“

Москва... Раздается занавес театра Руставели, и в глубине сцены мы видим Красную площадь, Кремлевскую стену, Спасскую башню, взошедшие главы Василия Блаженного. Волнение охватывает не только меня, коренного москвича, но и моих соседей-грузин, может быть, никогда не бывших в Москве. Когда старый учитель истории из пьесы Георгия Мдивани вольновольно говорит о судьбах древнего и вечно нового города, он выражает чувства каждого зрителя, каждого советского человека. А когда Мдивани перебарывает действие своей пьесы «Небо Москвы» (грузинское название — «У врат Москвы») из московского дома в блиндаж летчиков, вновь подтверждается это единство фронта и тыла.

Строго говоря, «Небо Москвы» — не пьеса, а только ряд картин, связанных единой темой борьбы за Москву. Видимо, это обстоятельство побудило театр Руставели (которому принадлежит первая постановка пьесы) и автора внести изменения в эту драму при ее перенесении на сцену. Некоторые из этих изменений пошли на пользу, но добавление двух последних картин оказалось лишним. Пьеса, естественно, кончается четвертым актом: «Тетянки и их гости в обстановке выступления Красной Армии радостно встречают новый, 1942 год. Добавленные картины кажутся вставками из какой-то другой пьесы, настолько они отличаются от предыдущих своим содержанием, стилем и составом действующих лиц.

Народный артист СССР А. Хорава, как режиссер, внес в спектакль тот темпера-

мент, ту страстность и силу, которые характерны его как актера. В спектакле много музыки: здесь и популярные песни советского народа, и музыка, специально написанная заслуженным деятелем искусств И. Туквиши.

Хорава порой достигает в спектакле сосредоточенности, достойной серьезной и ответственной темы. В этом сила спектакля. Но, к сожалению, когда на первый план в постановке вырываются приемы внешней выразительности, и тогда текст задушается грохотом боя и всеми доступными театру «батарейными» эффектами.

Ведущий образ спектакля — старого учителя Стрельцова — мастерски воплощен народным артистом СССР А. Василе. Убежденность и бесстрашие благородного патриста совмещаются в его лице со стариковской мягкостью и небольшими притчами. Роль, мужественного воздушного воина, сына Стрельцова — Ильи и комиссара Ялоо Чачбаля нашли достойных исполнителей в лице артистов С. Джанридзе и Г. Сагарала.

Грандиозная эпопея героической обороны Москвы многие годы будет вдохновлять мастеров искусства. Появятся произведения, проникнутые больше, чем в настоящее время, единством, чем пьеса Мдивани. Но спектакль «Небо Москвы» говорит о событиях наших дней с тем непосредственным чувством, которое идет от сердца и волнует зрителя. И в этом его ценность.

А. ФЕВРАЛЬСКИЙ

Тбилиси.

ФРОНТОВЫЕ ТЕАТРЫ ВТО

После полутрагического пребывания на Западном фронте в Москву вернулись Второй фронтной театр Всероссийского театрального общества, состоящий в основном из артистов театра им. Вахтангова (художественный руководитель И. Липский).

На фронте театр дал около 80 спектаклей и концертов. В Москве артисты будут до 1 августа, а затем снова выедут в действующую армию.

Сейчас в Москве создается Шестой фронтной театр Всероссийского театрального общества, репертуар которого составят одноактные пьесы советских драматургов.

По решению Комитета по делам искусств, из студентов IV курса актерского факультета Государственного института театрального искусства им. Луначарского будет сформирован новый фронтной театр ВТО.

Эм. МИНДЛИН

Новая композиция Яхонтова

Яхонтов превращает, что над своей новой композицией «Россия грозная», он работал в киргизской столице Фрунзе. Известную символичность этого обстоятельства мы оцениваем уже по знакомству с новым произведением Яхонтова. Так хорошо знакомые строки «Москва! Москва! Как много в этом звуке для сердца русского слилось!» обретают вдруг новый смысл, отнюдь не утрачивая старого. Понятие «родина» стало еще шире, сложнее и значительнее.

Композиция состоит из двух частей: «Отечественная война 1812 года» и «Отечественная война 1941 года». Образы 1812 года и образы нам современные органически объединены в ней.

Герои первой части композиции «Россия грозная» — Денис Давыдов и Кутузов, оставаясь истинно и прекрасно русскими национальными образами, во второй части воспринимаются как предтечи героев всех народов СССР, отважно отстаивающих родину от фашистов.

Моментами чтеция Яхонтова носят почти декларативный характер. Это не что большее, часто нечто иное, нежели просто художественное чтение. Когда Яхонтов читает стихи Дениса Давыдова, он как бы делится с нами своим восхищением образом Давыдова. Он пленен им, национальными чертами его характера — волей, удачей, отвагой, бесстрашием, прославленностью, всеотью.

Яхонтов прибегает к внешним средствам выразительности только в редких случаях. Письмо Наполеона к Кутузову он читает нарочито замедленно, тщательно оттягивая каждое слово и даже отяжеля его.

Почти единственный раз он движением подчеркивает смысл читаемого. Но вот

рты прервал. Полный достоинства голос — чей? Кутузова или настоящего современника? — звучит в зале: «Я был бы проклят потомством, если бы меня сочли первым зачинщиком какой бы то ни было сделки: такова действительная воля нашего народа». Слушатели с благодарностью, патристическим волеием реагируют на ответ Кутузова Наполеону. Они видят в этом ответе выражение своей собственной воли — воли русского народа в 1942 году, воли, что победил Наполеона и победит Гитлера.

Цитаты из Дениса Давыдова, Пушкина, Лермонтова и Льва Толстого Яхонтов подготавливает своего слушателя ко второй части композиции, литературно-художественный материал которой составляет произведения Леонида Соболева, Твардовского, Суркова и Симонова.

В центре второй части — речь Сталина, посвященная 24-й годовщине Октябрьской революции. Истинное искусство чтеца-художника в том ведь и заключается, что отлично ведомое нам слово он доносит до нашего сознания как бы только что произнесенным впервые. Фрагменты выступления Сталина Яхонтов читает просто и вместе с тем со скрытым волеием. Переменяя выказывания Сталина выказывания из словок Информбюро или выразительными корреспондентскими «Красной звезды», Яхонтов перебирает газетное сообщение о разгромах немцами музеев в Берлине, уже читанными в первой части строками: «Робота! Не Москва ли за нами?». Это не литературная реминисценция. Яхонтов сознательно подчеркивает ощущение организического единства русской истории.

ПЕВЕЦ БОРЬБЫ И СВОБОДЫ

Исполнилось пятьдесят лет со дня смерти одного из популярнейших поэтов латышского народа Эдуарда Вейденбаума (род. в 1867, ум. в 1920). Латвия, временно захваченная немецко-фашистскими оккупантами, не может достойно отметить эту годовщину. Но песни Вейденбаума давно уже принадлежат народу, и никакие зверства оккупантов не в силах заглушить их могучий, аэуирующий на борьбу с угнетателями напев.

Творчество Эдуарда Вейденбаума падает на 80-е годы прошлого столетия, когда в жизни Латвии явственно уже ощущались нарастание и обострение борьбы, направленной и против давних притеснителей — немецких баронов и против собственных «национальных» угнетателей и эксплуататоров латышского народа. В Риге, Лепая, Вентспилсе и других городах к тому времени образовались крупные промышленные предприятия с десятками тысяч рабочих. Рабочие объединялись в кружки; нарастали первые конфликты; вспыхивали первые забастовки.

Летом 1888 года в Дерпте образуется неофициальное студенческое общество «Пийп-воляни». В нем объединяется прогрессивное мышление латышское студенчество того времени, горящее желанием помочь своему страдающему народу.

Одним из организаторов «Пийп-воляни» был Эдуард Вейденбаум. Он родился в бедной крестьянской семье, хорошо знал жизнь рабочих и крестьян, сам испытал нужду и лишения. Эти обстоятельства придали его критике особую остроту и реалистичность, хотя он еще не вполне ясно представлял себе настоящие пути борьбы за новую жизнь.

Вейденбаум выступал с докладами на остроте по тем временам темы: «Историческое развитие и философская основа свода законов», «Частная и общая собственность», «Дуэль в наше время», «Большая света» и т. д.

Несмотря на то, что подлинная нище-

та неоднократно призывала поэта прерывать занятия в университете, Вейденбаум был образованнейшим человеком своего времени. Он изучил около десятка иностранных языков и переводил на латышский язык классиков мировой литературы — Горация, Шиллера, Гейне, Мопассана, русских писателей.

Судьба поэта глубоко трагична. Годок и лишения сделали свое дело. Вейденбаум умер очень рано — всего 25 лет от роду. Но творчество его оставило глубокий след в латышской литературе. Каждая строка поэта насыщена глубокой мыслью и подлинной страстью.

Лучшие стихотворения Вейденбаума — «Нет справедливости на нашей земле», «Югорам и долам Латвии», «Опять явился Новый год, но все по-старому осталось», «Проснись, проснись же, дух свободный», «Словно лебеди, белые тучи» и др.

Это был сильный духом человек; его работоспособность была изумительна, равно как и его твердость в отстаивании своих идеалов. Вряд ли поэту мир жестоко ему мотил за себя. Ни одно из стихотворений Вейденбаума, за исключением переводов, не попало в печать при жизни поэта. Немоторы на это, поэзия Вейденбаума сыграла огромную воспитательную и боевую роль в жизни латышского народа. Стихи любимого поэта переписывались от руки, заучивались наизусть, распространялись с немоторной быстротой. Они тут же превращались в песни, и эти песни пел весь народ.

С новой силой живут эти песни сегодня. Боевым кличем звучат слова поэта, призывающие народ на борьбу с угнетателями:

Проснись, проснись же, дух свободный,
Воспрянь могуч и рабства гнет
рабарей.

Юлий ВАНАГС

На книжном базаре

В Москве, на Тверском бульваре, открылся традиционный книжный базар. У киосков и прилавков, заваленных книгами, идет оживленная торговля. Много книг в отделах политической литературы. Отсюда книги уносят столяки: новые томики сочинений В. И. Ленина, книги И. В. Сталина «О великой отечественной войне Советского Союза», брошюры, блокноты агитатора... За два дня здесь продано книг на 8,000 рублей. Как всегда, хорошо раскупаются техническая и специальная литература. Большой спрос в этом году имеют книги по сельскому хозяйству, особенно по огородничеству.

Среди посетителей базара — много военных, они любознательно и поспулу вытаскивают книги, колетаются, какой из них отдать предпочтение — много с собой на фронт не возьмешь. Потом укладывают книгу в вешевой мешок вместе с самыми необходимыми на войне вещами.

Оживленно у киосков букинистов. Здесь собираются знатоки и коллекционеры книг. Они готовы часами рыться в книжном развале, перебирать потерпелые переплеты, интересовать пожелтевшие странички. Интересная находка привлекает всеобщее внимание. Книга переходит из рук в руки, ее разглядывают, о ней говорят.

Много здесь и школьников. Они уносят с базара произведения Лермонтова, Шекспира, Мольера.

На Московском книжном базаре — свыше 150 тыс. томов книг. За первые два дня продано около 24 тыс. томов.

Искусство в дни уборочной кампании

Управление по делам искусств при СНК РСФСР утвердило план художественного обслуживания уборочной кампании артельными предприятиями. 896 театральных и концертных бригад дадут в колхозах, совхозах и МТС 33 470 выступлений.

Комитет по делам искусств при СНК СССР предложил направить в колхозы и совхозы для обслуживания колхозного села в период уборочной кампании все театры третьей и четвертой групп, включая в репертуар лучшие спектакли. Республиканские, краевые и областные театры выделяют специальные бригады для обслуживания колхозного села в период уборки урожая. Учащиеся художественных учебных заведений привлекаются к участию в концертных и театральных бригадах, выезжающих для обслуживания колхозников.

Музеи и отечественная война

21 июля в Москве открылась сессия Научно-исследовательского института музейной и краеведческой работы посвященной деятельности музеев в дни великой отечественной войны.

Открытая сессия, зам. наркома просвещения РСФСР тов. Н. Гаврилов подчеркнул две основные задачи, стоящие сейчас перед работниками музеев: сохранение эвакуированных музейных ценностей и сбор материалов об отечественной войне.

С большим, насыщенным интересными фактами докладом о перестройке музейной работы во время войны выступил начальник Музеино-краеведческого отдела Наркомпроса А. Мавыевский.

На сессии были заслушаны доклады о работе лекторов Исторического музея в частях РККА, о лекционной работе Дарвиновского музея, о выставках-передвижках Литературного музея, а также о деятельности руководителей Серпуховского, Дмитровского и Шуевского музеев. С сообщениями о разрушениях, причиненных фашистскими варварами музею Л. Толстого в Ясной Поляне и домму-музею П. Чайковского в Клену, выступили С. Толстая и М. Ритчик. О восстановлении Калининского краеведческого музея и Исторического музея рассказали А. Топоркин и А. Данилова.

На сессии обсуждаются также вопросы музейного хранения культурных ценностей в военное время. Докладчик М. Комарова и подчинения краеведческой работы задачам обороны страны (докладчик И. Крижан). Несколько докладов посвящено охране памятников культуры и искусства в условиях войны. С сообщением об обследовании и фиксации разрушенного исторических памятников в районах, освобожденных от фашистской оккупации (Истра, Волоколамск, Можайск, Бородино), выступил проф. А. Смирнов. Доклад о показе материалов великой отечественной войны в музейной экспозиции сделал П. Серебряников. Заслушаны также сообщения директоров обследуемых музеев о краеведческой работе.

Памяти Д. Н. Ушакова

28 июля в МГУ состоялось совместное заседание филологического факультета МГУ и Института языка и письменности Академии наук, посвященное памяти выдающегося русского лингвиста, члена-корреспондента Академии наук СССР, доктора филологических наук, профессора Д. Н. Ушакова.

После вступительного слова проф. А. Еролина, отмечившего громадные заслуги Д. Н. Ушакова перед русской культурой и охарактеризовавшего покойного ученого, как человека большой нравственной силы и личного обаяния, выступили с докладами ученые Д. Н. Ушакова — проф. Г. Винокур («Жизненный путь Д. Н. Ушакова»), С. Ожегов («Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова»), А. Реформатский («Труды Д. Н. Ушакова по русской орфографии и орфоэпии»), В. Филиппов («Д. Н. Ушаков и театр»), С. Высокый («Русская диалектология в трудах Д. Н. Ушакова»), проф. М. Петерсон («Общее языковедение и русская грамматика в трудах Д. Н. Ушакова»), Н. Шелетова («Д. Н. Ушаков и учительство»).

Предполагается издание сборника, посвященного памяти Д. Н. Ушакова.

НОВЫЙ ТЕАТР МАЛЫХ ФОРМ

При Центральном научно-методическом институте санитарного просвещения Наркомздрава СССР в Москве создан Театр малых форм, ставящий своей задачей распространение санитарно-оборонных знаний и популяризацию героического труда медических работников на фронте и в тылу.

Театр состоит из двух бригад: одна будет обслуживать взрослых зрителей, другая — детей.

Каждая программа состоит из миниатюр, скетчей, драматических произведений и эстрадных номеров.

Детская бригада театра уже приступила к работе. Актеры ее — дети железнодорожников Московского узла в возрасте от 8 до 14 лет.

Московская хроника

Три пьесы советских драматургов будут поставлены на сцене Московского театра им. Ленского. Режиссер П. Сахаров приступает к постановке комедии «Трижды улететь», Л. Лепая, Е. Срадомская будет ставить пьесу «Мелница на Москве» В. Тугеева, Н. Горчаков «Новые похождения Фравого солдата Шнейка» М. Слободского.

Архивы выдающихся деятелей искусства будут приобретены в собственности государства комиссией, созданной Комитетом по делам искусств в составе Ю. Калининского (председатель), Е. Колосовой, М. Григорьевой, В. Алперс и В. Балабанова.

10-ю годовщину со дня смерти М. Ю. Леонова отмечает 25 июля Московская филармония большим литовско-музыкальным вечером в концертном зале им. Чайковского.

Сессия по научению национальной театральной обшности Московским театром им. Ленского СССР создана Всероссийским театральным обществом.

Редколлегиям коллектив книги «Советская музыка за 25 лет» утвердил Комитет по делам искусств в составе: В. Асафьева, А. Альфенда, М. Гринберг, Д. Кабаленского, А. Лубера, Н. Лаврова и «Легенды Талочина» В. Малишневой и Д. Шостаковича (председатель редакционной коллегии).

Красноармейский ансамбль песни и пляски Ленинграда в Москве по решению командования Москвы большим литовско-музыкальным вечером в концертном зале им. Чайковского.

В Москве создается новый театр малых форм, ставящий своей задачей распространение санитарно-оборонных знаний и популяризацию героического труда медических работников на фронте и в тылу.

Издатель: Государственное издательство ИСКУССТВО